

шей опасности, чем Илюша Снегирёв. Алёша, объединяя мальчиков вокруг страдающего Илюши, даёт не только пищу уму и сердцу, но организует полезную *спасительную деятельность*², избавляющую подростков от разрушительной праздности.

Роман «Братья Карамазовы» уникален своей разнонаправленностью в прошлое и будущее педагогики. Именно с этих позиций нельзя не заметить удивительную современность романа: Достоевский предвосхитил в нём будущие открытия двадцатого века. Несколько прямых совпадений не могут не изумлять читателей, хоть сколько-нибудь знакомых с современной педагогической наукой. Эуген Финк, один из известных исследователей феномена воспитания, выделяет в педагогике следующие сферы: 1) воспитательное учреждение как внешняя организация, 2) институты воспитания (семья, государство) как объективные духовные образования, 3) личность в воспитании (воспитатель и воспитуемый) как субъективный дух в педагогической области, 4) идеальность идеалов.

Практически все эти сферы представлены в образной системе романа. Первая — в рассказах мальчиков о школьной жизни. Вопросы: чему учить и как учить, каким должен быть учитель — обсуждаются на страницах романа с той же степенью актуальности, как на школьной перемене в учительской или в классах...

Вторая — в образах разных семей. Проблемы семейного воспитания, намеченные в первых главах, пронизывают весь роман: семья Карамазовых, семья Хохлаковых, семья Красоткиных — все, как принято сейчас говорить, неполные; семья Снегирёвых тоже, но если в первых нет одного из родителей, то в этой умирает — ребёнок, смысловой и душевный центр семьи и романа в целом, оставаясь сиротами всех героев романа и его читателей тоже³.

Третья связана с изображением в романе субъективности основного звена в процессе воспитания (воспитатель и воспитуемый)⁴. Конечно, это тема не одного исследования. В романе возникает множество педагогических ситуаций, когда вмешательство в систему (воспитатель и воспитуемый) приводит к её качественному изменению.

Четвёртая, «идеальность идеалов», явно присутствует в образе океана из бесед и поучений старца Зосимы. «Братья, любовь учительница, но нужно уметь её приобрести, ибо она трудно приобретается, дорого покупается, долгою работой и через долгий срок, ибо не на мгновение лишь случайное надо любить, а на весь срок. А случайно-то и всяк полюбить может, и злодей полюбит. Юноша брат мой у птичек прощения просил: оно как бы и бессмысленно, а ведь правда, *ибо всё как океан, всё*

течёт и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдаётся. Пусть безумие у птичек прощения просить, но ведь и птичкам было бы легче, и ребёнку, и всякому животному около тебя, если бы ты сам был благолепнее, чем ты есть теперь, хоть на одну каплю да было бы. *Всё, как океан, говорю вам*»⁵.

В заключение выскажу надежду, что мои размышления станут для коллег приглашением к совместной работе по исследованию романа «Братья Карамазовы» как с точки зрения предложенных подходов, так и к поиску новых.

Примечания

¹ А.Г. Достоевской. 6 июня 1874. Петербург.

² Но поистине гораздо более нуждаются в воспитании люди даровитые, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займётся бесполезным, пустым и пагубным.

Чем плодороднее поле, тем обильнее оно производит терновник и чертополох. Так и выдающийся ум полон пустыми мечтаниями, если его не засеять семенами мудрости и добродетелей. Как действующая мельница, если в неё подсыпать зерна, то есть материала для перемалывания, стирает сама себя и, отрывая от жерновов куски и даже повреждая и разрывая отдельные части, бесполезно с шумом и треском пылит, так и подвижный ум, лишённый серьёзной работы, будет вообще наполняться ничтожным, пустым и вредным содержанием и станет причиной своей собственной гибели.

³ Илюша Снегирёв объединил вокруг себя почти всех жителей Скотопригоньевска. О нём думают Митя и Грушенька, заботится Катерина Ивановна, Лиза Хохлакова. Илюша в своей болезни восстанавливает между людьми связи, казалось, давно утерянные, внося в роман атмосферу семейной ответственности всех за всех.

⁴ Своеобразие вопроса о воспитании как научного вопроса в том и состоит, что он неизбежно выводит спрашивающего за рамки традиционных критериев научности (объективности), потому что, как пишет Финк, всегда, когда мы пытаемся обратиться к делу воспитания, мы неминуемо оказываемся сами вовлечёнными в поле того феномена, о котором спрашиваем. Мы не можем, так сказать, «искоренить себя» из вопроса о воспитании.

⁵ В этом плане интересно исследование, представленное в работе А.Г. Гачевой «Достоевский и Фёдоров. Духовно-творческий диалог». По мнению исследователя, «для позднего Достоевского знакомство с идеями Фёдорова стало важной духовной и творческой вехой. Оно широко отразилось в романе «Братья Карамазовы» — и в черновиках, и в окончательном тексте».